

МОИ
ПЕРВЫЕ
КНИЖКИ

С. АЛЕКСЕЕВ

РАССКАЗЫ О СУВОРОВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

SHOUT **IT**
SHARE

Annotation

В этой книжке помещены рассказы известного детского писателя, знатока отечественной истории С. Алексеева о жизни великого русского полководца Александра Васильевича Суворова (1730–1800). Для младшего школьного возраста.

- **Сергей Алексеев**

- **ИЗМАИЛ**

- **ПЕРЕХОД**

- **ДЕРЗОСТЬ**

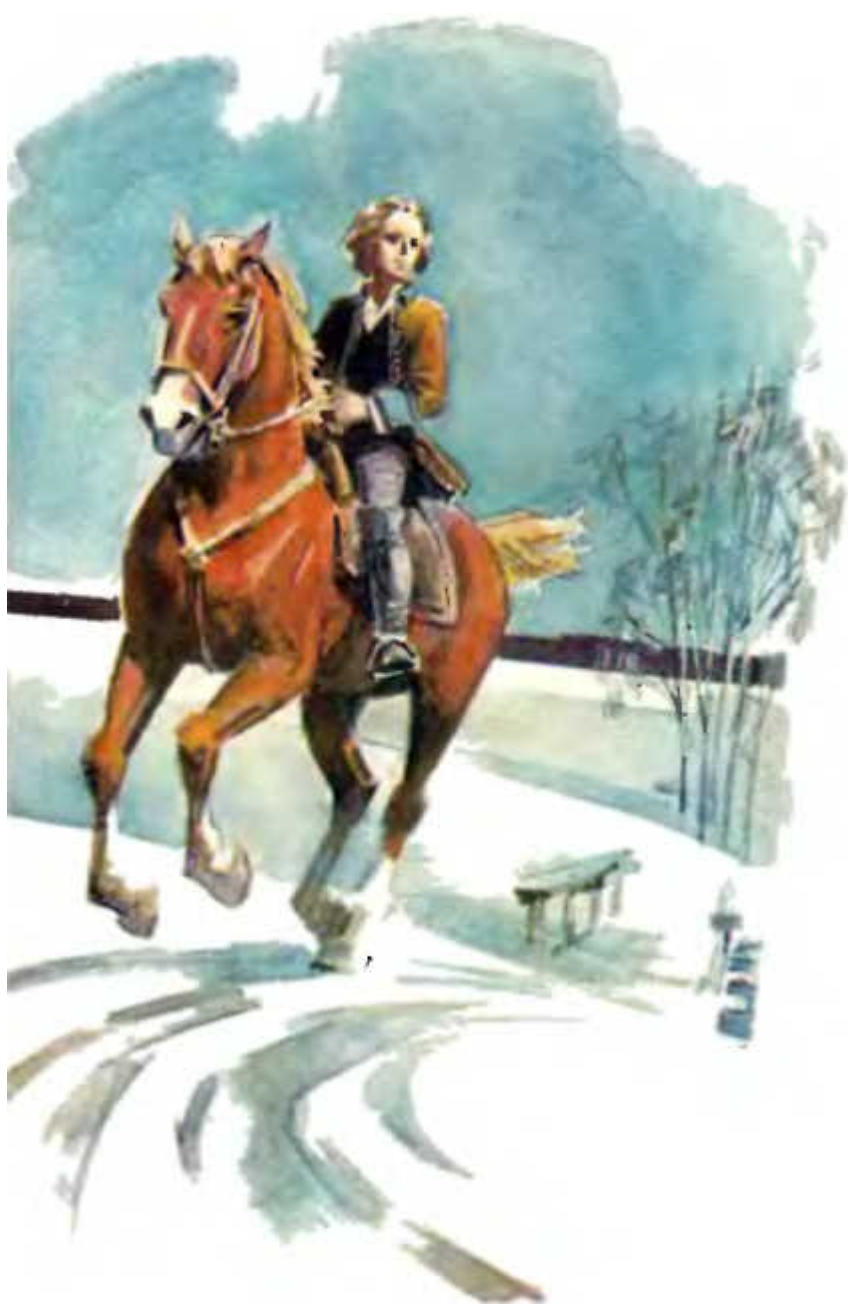
- **ПРОШКА**

- **МИШКА**

Сергей Алексеев
Рассказы о Суворове

Рисунки Л. Гольдберга

Суворов с детства мечтал стать военным. Однако он был слабым и болезненным мальчиком. «Ну где же тебе быть военным! — смеялся над ним отец. — Ты и ружья не подымешь!» Слова отца огорчали Суворова. Он решил закаляться.

Наступят, бывало, зимние холода, все оденутся в тёплые шубы или вовсе не выходят из дому, а маленький Суворов накинёт лёгкую куртку и целый день проводит на улице.

Наступит весна. Только вскроются реки, ещё никто и не думает купаться, а Суворов — бух в студёную воду. Его не страшили теперь ни жара, ни холод. Мальчик много ходил, хорошо научился ездить верхом. Суворов окреп. Шестнадцати лет он поступил на военную службу.

Семьдесят лет прожил Суворов. Пятьдесят четыре из них он провёл в армии. Начал службу простым солдатом. Кончил её фельдмаршалом и генералиссимусом.

Тридцать пять больших боёв и сражений провёл Суворов. Во всех он был победителем.

Из рассказов, вошедших в первую главу этой книги, ты и узнаешь о том, как Суворов громил неприятеля, как и почему пришла к нему вечная слава.

ИЗМАИЛ

Неприступной считалась турецкая крепость Измаил. Стояла крепость на берегу широкой реки Дунай, и было в ней сорок тысяч солдат и двести пушек. А кроме того, шёл вокруг Измаила глубокий ров и поднимался высокий вал. И крепостная стена вокруг Измаила тянулась на шесть вёрст.

Не могли русские генералы взять турецкую крепость. И вот прошёл слух: под Измаил едет Суворов. И правда, вскоре Суворов прибыл. Прибыл, собрал совет.

— Как поступать будем? — спрашивает.

А дело глубокой осенью было.

— Отступать надобно, — заговорили генералы. — Домой, на зимние квартиры.

— «На зимние квартиры»! — передразнил Суворов. — «Домой»! Нет, — сказал. — Для русского солдата дорога домой через Измаил идёт. Нет российскому солдату дороги отсель иначе!

И началась под Измаилом необычная жизнь. Приказал Суворов насыпать такой же вал, какой шёл вокруг крепости, и стал обучать солдат. Днём солдаты учатся ходить в штыковую атаку, а ночью, чтобы турки не видели, заставляет их Суворов на вал лазить. Подбегут солдаты к валу — Суворов кричит:

— Отставить! Негоже, как стадо баранов, бегать. Давай снова.

Так и бегают солдаты то к валу, то назад. А потом, когда научились подходить врассыпную, Суворов стал показывать, как на вал взбираться.

— Тут, — говорит, — лезьте все разом, берите числом, взлетайте на вал в один момент.

Несколько дней Суворов занимался с солдатами, а потом послал к турецкому генералу послов — предложил, чтобы турки сдались. Но генерал гордо ответил:

— Раньше небо упадёт в Дунай, чем русские возьмут Измаил.

Тогда Суворов отдал приказ начать штурм крепости.

Повторили солдаты всё, чему учил их Суворов: перешли ров, поднялись на крепостной вал, по штурмовым лестницам поползли на стены.

Лихо бились турки, только не удержали они русских солдат. Ворвались суворовские войска в Измаил, захватили в плен всю турецкую армию.

Лишь один турок невредимым ушёл из крепости. Дрожащий от страха, он прибежал в турецкую столицу и рассказал о новом подвиге русских солдат и новой победе генерала Суворова.

ПЕРЕХОД

Двигается суворовская армия, совершает стремительный переход. День, второй, третий... десятый. Каждый день — шестьдесят вёрст. То ли солнце палит, то ли грязь, непогода — идут колонны одна за другой, совершают дальний поход.

Измучились солдаты в пути. Пообтрепались башмаки на дорогах. Гудят от волдырей и усталости ноги.

Изнемогли солдаты. Нет солдатских сил идти дальше. А идти надо. Нельзя не идти.

Догоняет Суворов заднюю из колонн. Делает вид, что не замечает солдатской усталости.

— Богатыри! Ребята! — кричит Суворов. — Орлы! Да за вами и конному не угнаться! Так, верно, молодцы — шире шаг: отдавайте передним пятки!

Догоняет Суворов среднюю из колонн:

— Богатыри! Братцы! Неприятель от вас дрожит. Вперёд! Вперёд! Нога ногу подкрепляет — раз, два, левой, левой... Рука руку усиляет — раз, два, левой, левой! Шибче! Шибче! Задние пятки отдавят!

Догоняет Суворов первую из колонн:

— Дети! Орлы! Неприятель без вас скучает. Вперёд! Вперёд!

Теснее ряд, выше голову, грудь навывкат! Ух, махни, головой тряхни, удаль солдатскую покажи! Барабаны! Музыка! Песни!

Затрубили трубачи и горнисты, ударили барабаны, разнеслась над войсками песня. Повеселели, подтянулись солдаты. Сбилась от чёткого солдатского шага дорожная пыль столбом.

Едет впереди своих войск Суворов — доволен. Не остановилась русская армия — движется. Забыли солдаты про ссадины на ногах и усталость. Идут колонны одна за другой, совершают стремительный переход.

В бою под Фокшанами турки расположили свою артиллерию так, что с тыла, за спиной, у них оказалось болото.

Позиция для пушек — лучше не сыщешь; сзади неприятель не подойдёт, с флангов не обойдёт. Спокойны турки.

Однако Суворов не побоялся болота. Прошли суворовские богатыри через топи и как гром среди ясного неба — на турецкую артиллерию сзади. Захватил Суворов турецкие пушки.

И турки, и австрийцы, и сами русские сочли манёвр Суворова за рискованный, дерзкий. Хорошо, что прошли через топи солдаты, а вдруг не прошли б?!

— Дерзкий так дерзкий, — усмехался Суворов. — Дерзость войскам не помеха.

Однако мало кто знал, что, прежде чем пустить войска через болота, Суворов отрядил бывалых солдат, а те вдоль и поперёк излазили топи и выбрали надёжный путь для своих товарищей. Суворов берёт солдат и действовал наверняка.

Месяц спустя в новом бою с турками полковник Илловайский решил повторить дерзкий манёвр Суворова.

Обстановка была схожей: тоже турецкие пушки и тоже болото.

— Суворову повезло, — говорил Илловайский. — А я что, хуже? И мне повезёт.

Только Илловайскому не повезло. Повёл полковник солдат, не зная дороги. Завязли солдаты в болоте. Стали тонуть. Поднялся шум, крики.

Поняли турки, в чём дело. Развернули свои пушки и расстреляли русских солдат. Много солдат погибло. Илловайский, однако, спасся.

Суворов разгневался страшно. Кричал и ругался до хрипоты.

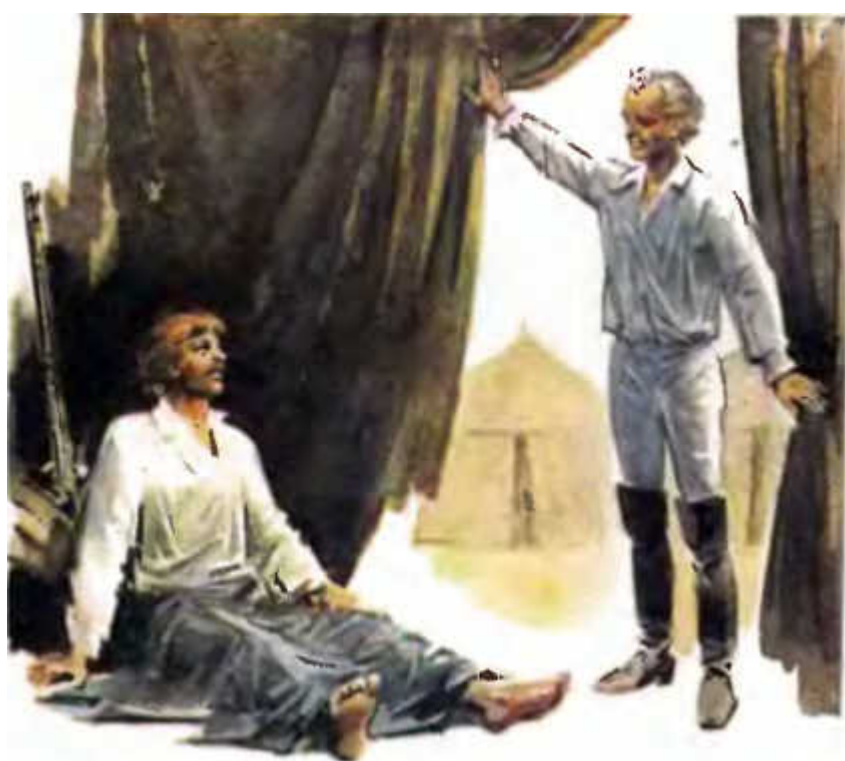

— Так я же хотел, как вы, чтобы дерзость была, — оправдывался Илловайский.

— Дерзость! — кричал Суворов. — Дерзость есть, а где же умение?!

За напрасную гибель солдат Суворов разжаловал полковника в рядовые и отправил в обозную команду.

— Ему людей доверять нельзя, — говорил Суворов. — При лошадях он безопаснее.

ПРОШКА

Когда Прошка попал в денщики к Суворову, солдат немало обрадовался. «Повезло, — подумал. — Не надо будет рано вставать. Никаких ротных занятий, никакого режима. Благодать!»

Однако в первый же день Прошку постигло великое разочарование. В четыре часа утра кто-то затряс солдата за ногу. Приоткрыл Прошка глаза, смотрит — Суворов.

— Вставай, добрый молодец, — говорит Суворов. — Долгий сон не чета богатырю русскому.

Оказывается, Суворов раньше всех подымался в армии.

Поднялся Прошка, а тут и ещё одна неприятность. Приказал фельдмаршал притащить ведро холодной воды и стал обливаться.

Натирает Суворов себе и шею, и грудь, и спину. Смотрит Прошка, выпучив глаза, — вот так чудо!

— Ну, а ты что?! — закричал Суворов. И приказал Прошке тоже облиться. Ежится солдат с непривычки, вскрикивает от холода. А Суворов смеётся.

— В здоровом теле дух, — говорит, — здоровый. — И снова смеётся.

После обливания вывел Суворов Прошку на луг. Побежал фельдмаршал. — «Догоняй!» — закричал солдату. Полчаса вслед за Суворовым Прошка бегал. Солдат запыхался, в боку закололо. Зато Суворов хоть и стар, а словно с места не двигался. Стоит и снова смеётся.

И началась у Прошки не жизнь, а страдание. То устроит Суворов осмотр оборонительным постам, и Прошка целые сутки в седле трясётся, то учинит проверку ночным караулам, и Прошке снова не спать. А тут ко всему принялся Суворов изучать турецкий язык и Прошку заставил.

— Да зачем мне непонятная речь? — запротивился было солдат.

— Как — зачем?! — возмутился Суворов. Как раз в это время началась война с Турцией.

Пришлось Прошке смириться. Засел он за турецкий букварь, потел, бедняга, до пятого пота.

Мечтал Прошка о тихом месте. Не получилось. Хотел было назад попроситься в роту. Потом попривык, привязался к фельдмаршалу и до конца своих дней честью и верой служил Суворову.

МИШКА

Не везло Суворову на лошадей. Одной неприятельское ядро оторвало голову. Вторую ранило в шею, и её пришлось пристрелить. Третья оказалась просто-напросто глупой.

Но вот донские казаки подарили Суворову Мишку. Глянул фельдмаршал: уши торчком, землю скребёт копытом. Не конь, а огонь! Подошёл Суворов слева, подошёл справа. И Мишка повёл головой то в одну, то в другую сторону, как бы присматриваясь, достойным ли будет седок. Понравился Суворову Мишка. И Мишке, видать, Суворов пришёлся по вкусу. Сдружились они, как люди, и понимали друг друга без слов.

Хорошее настроение у Суворова — и у Мишки хорошее: мчит во весь опор, играет. Огорчён, опечален Суворов — и Мишка насупится: шагом идёт, медленно и осторожно, чтобы лишний раз хозяина не потревожить.

Лихим оказался Мишка в бою. Ни ядер, ни пуль, ни кривых

турецких сабель — ничего не боялся. Но и у лошади жизнь солдатская. В одном из сражений Мишку ранило в ногу. Конь захромал и к дальнейшей службе оказался негоден.

Суворов бранил докторов и коновалов, требовал, чтобы те излечили Мишку. Коню извлекли пулю, наложили ремённый жгут. Не помогло. От хромоты конь не избавился.

Пришлось Суворову расстаться с верным товарищем. Простился фельдмаршал с конём, приказал отправить его к себе в имение, в село Кончанское. Старосте написал, что конь «за верную службу переведён в отставку и посажен на пенсию», и наказал, чтобы Мишку хорошо кормили, чистили и выводили гулять.

Староста каждый месяц должен был писать Суворову письма и сообщать, как живётся в «отставке» Мишке.

Фельдмаршал часто вспоминал лихого донца. И после Мишки у Суворова побывало немало коней. Да лучше Мишки всё-таки не было.

